

5. Поэт находит свое призвание

Как мы уже видели при разборе книжки "Мечты и звуки", свою литературную деятельность Некрасов начал в тоне вполне серьезном, далеком от шутки и юмора. Исключение составляет одна только юмористическая пьеса "Пир ведьмы".

Скачет ведьма на ухвате,
Едет чорт на помеле...

Зато со времени фиаско, постигшего этот первый сборник, Некрасов в продолжение целых пяти лет не напечатал, насколько нам известно, ни одного серьезного лирического стихотворения и хотя стихов продолжал писать и печатать множество, но все это были шутки, пародии, обличительные куплеты. Мы уже пытались объяснить настроение поэта, обусловившее подобный характер его творчества в указанный период. Нельзя отрицать, что эти сатирические опыты юного Некрасова отличались временами неподдельным остроумием; в них встречались едкие выходки, самый стих был легкий и своеобразен. Вот, например, два маленьких отрывка из "Портретной галереи", впоследствии забракованной автором и преданной забвению:

I
Он у нас осьмое чудо -
У него завидный нрав.
Неподкупен, как Иуда,
Храбр и честен, как Фальстаф.
Он с татаринцом - татарин,
Он с евреем сам еврей,
Он с лакеем - важный барин,
С важным баринцом - лакей!

II
Было года мне четыре,
Как отец сказал:
"Вздор, дитя мое, все в мире,
Дело - капитал".
И совет его премудрой
Не остался так:
У родителя наутро
Я украл пятак...

Большой фельетон в стихах "Говорун" - эта пустейшая болтовня пустейшего героя обо всем, что только взбредет в голову, - читается также без скуки, даже, пожалуй, с некоторым удовольствием; местами невольно думаешь: "Сколько труда и искусства потрачено на подобный вздор!" Однако Некрасову случалось уже касаться и более серьезных тем. Заслуживает, например, внимания сатира "Женщина, каких много".

Она росла среди перин, подушек,
Дворовых девок, мамушек, старушек,
Подобострастных, битых и босых...
Ее поддерживали с уваженьем,
Ей ножки целовали с восхищеньем
В избытке чувств почтительно-немых...
Сложилась барышня, потом созрела
И стала на свободе жить без дела,
Невыразимо презирая свет.
Она слыла девицей идеальной,
Имела взгляд глубокий и печальный,
Сидела под окошком по ночам
И на луну глядела неотвязно...

Болтала лихорадочно-несвязно,
Торжественно молчала по часам.
: : : : : : : : : :
И вдруг пошла за барина простого,
За русака дебелого, степного!
На мужа негодую благородно,
Ему детей рожала ежегодно
И двойней разрешилась наконец.
Печальная, чувствительная Текла
Своих людей не без отрады секла;
Играла в дурачки до петухов,
Гусями занималась да скотиной, -
И было в ней перед ее кончиной
Без малого четырнадцать пудов...

Перед читателем - характерный тип провинциальной барыни крепостной эпохи; в этом портрете каждый штрих дышит жизнью и правдой и только заключительный, явно утрированный стих, пожалуй, неприятно режет ухо. К сожалению, приходится сказать, что такого рода шарж не есть случайное явление в юношеских сатирах Некрасова, и, например, в упомянутом выше стихотворении "Было года мне четыре" шаржированность принимает даже прямо чудовищные размеры. У героя пьесы умирает отец...

Я не вынес тяжелой раны,
Я на труп упал И, обшарив все карманы,
Горько зарыдал, -

зарыдал не об утрате отца, а о том, что карманы его оказались пусты...

Не этими, однако, частными недостатками обуславливалось ничтожное значение некрасовской сатиры раннего периода. Важнее было то, что для читателя оставалось все время неясным, во имя какой общей идеи осмеивает и вышучивает она людские слабости и пороки. Это было именно только вышучиванье, а не грозная, бичующая сатира, одушевленная (как, например, позже в "Размышлениях у парадного подъезда") чувством гражданского негодования, согретая искренней скорбью о торжестве зла и неправды. Такой сатиры мы не видим даже и в столь восхитившем в свое время Белинского "Чиновнике" или в "Современной оде", которою открывается обыкновенно собрание некрасовских стихотворений... Пьесы это, несомненно, талантливые; в общей концепции их видна уже рука искусного мастера; отдельные стихи поражают силой, оригинальностью и легко остаются в памяти, но и со всем тем "Чиновник" и "Современная ода" не сатиры в настоящем значении слова, а лишь хорошие обличительные стихотворения: в них нет еще главного - поэзии...

Погоня за насущным куском хлеба, спешность работы, привычка глядеть на себя как на литературного чернорабочего, с которого и спрашивать много нечего, низводят в эту пору Некрасова, при всем его таланте, до уровня писателя-ремесленника, который унижался до таких, например, "пародий":

И скучно, и грустно!..
И некого в карты надуть
В минуту карманной невзгоды.
Жена?.. Но что пользы жену обмануть -
Ведь ей же отдашь на расходы.

Но уже близился глубокий внутренний перелом. К середине сороковых годов Некрасов перестал терпеть острую, доходившую до нищеты нужду; у него уже составилось некоторое литературное имя; теперь легче было доставать работу, легче было и бороться с кулаками-редакторами и издателями. Явился сравнительный досуг, и с ним - возможность серьезно думать и работать. В этот-то благоприятный момент Некрасов и сблизился с Белинским, услышал его страстную, полную зажигающего убеждения проповедь... Общая идея, по которой все время тосковала душа будущего печальника горя народного и отсутствие которой так

плачевно отзывалось на его произведениях, была наконец отыскана, сформулирована. Горячим солнечным лучом проникла она в дремавшую душу поэта, осветила ее и разбудила к жизни могучие природные силы. Некрасов нашел наконец свое призвание, свою музу, ту "бледную, в крови, кнутом иссеченную музу", на которую, по его собственному выражению, "не русский взглянет без любви"... Появилось знаменитое стихотворение "В дороге", нечто неслыханное до тех пор как по форме, так и по содержанию. Начало народнической струи в русской литературе принято обыкновенно связывать с "Деревней" и "Антоном-Горемыкой" Григоровича, но с несравненно большим правом могло бы претендовать на такую роль стихотворение Некрасова, раньше напечатанное и к тому же талантливее выразившее новую идею. Известный критик Аполлон Григорьев, очень долго отрицавший в Некрасове всякий поэтический талант, признавался впоследствии, что пьеса "В дороге" ударила по сердцам с неведомою силой... По его словам, она вместила в одной поэтической форме целую эпоху прошедшего, забросила сети и в будущее; в ней не подделка под народную речь, а речь человека из народа, с народным сердцем, закала Кольцова. Даже враждебный Некрасову Эдельсон, видевший, наоборот, в этом стихотворении фальшивую народную речь, признавал нарисованное Некрасовым положение трогательным и вызывающим сильное впечатление, "гуманное по своей сущности". Мнение Белинского мы уже знаем. Но если так встречено было стихотворение Некрасова литературной критикой, то читателями середины сороковых годов оно принято было как настоящее откровение... И удивительного тут ничего нет, если и теперь даже, когда мрачная эпоха рабства отошла в область предания и русским обществом уже так много пережито, "В дороге" все еще производит неотразимо-глубокое впечатление. Очевидно, поэту удалось затронуть живой, до сих пор еще болезненный нерв... То новое, что поразило здесь воображение общества, заключалось не только в изображении новой (крестьянской) среды, не только в мысли о том, что и мужики - те же люди с живой, способной страдать от притеснений душою: рядом с разворачиваемою картиною огромного общественного зла перед читателем приоткрывался душевный мир интеллигентного человека, который чувствовал себя к этому злу причастным.

-Скучно! Скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку.
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку, -

уже этот начальный аккорд, сразу дававший почувствовать, что проезжего барина грызет не простая скука, а - тоска, ищущая отрады в сближении с народным горем, должен был электрическим током проходить по душе современного читателя.

-Ну, довольно, ямщик, разогнал
Ты мою неотвязную скуку! -

саркастически прерывает барин грустный рассказ ямщика, - и как много скрыто в этих двух коротеньких желчных строчках, заканчивающих пьесу! Несколько позже, в стихотворении "В деревне" у Некрасова прорывается та же горестная нота:

Плачет старуха... А мне что за дело!
Что и жалеть, коли нечем помочь?

За видимой злостью слышится здесь тот же стон человека, силившегося заглушить голос беспокойной совести; это как бы первый намек на то великое душевное смятение, - "больную совесть кающегося дворянина", - которое с такой яркостью и силой выражено было во многих позднейших стихотворениях Некрасова.

Новое настроение, охватившее нашего поэта, не было чем-то случайным, мимолетным: почти одновременно с пьесой "В дороге", за каких-нибудь полтора года (1845- 1846), им было написано более десятка замечательных, проникнутых одним и тем же духом стихотворений, в миниатюре отражавших как бы всю некрасовскую поэзию, намечавших почти все главные мотивы, подробно развитые и разработанные поэтом впоследствии. ["Тройка", "Огородник", "Псовая охота", "Родина", "В неведомой глуши", "Пьяница", "Отрадно видеть", "Старушке", "Когда из мрака заблужденья", "Перед дождем", "Секрет".]

В "Тройке", "Огороднике", "Псовой охоте" и "Родине" перед нами проходят яркие картины жизни деревенской крепостной России. Героиня "Тройки", в сущности, та же Груша ("В дороге"); в судьбе этих двух молодых женщин, так же как и в несчастном романе огородника, поэт раскрывает все безобразие рабских понятий о белой и черной кости, разделенных непроходимой пропастью сословных предрассудков. Живой человеческой души, по этим понятиям, нет; без жалости и пощады приносится она в жертву интересам кастовой выгоды и так называемой чести. Поэт обнажает мрачное, злобное мировоззрение, отравляющее кругом себя атмосферу и развращающее мысль и чувство всех, кто приходит с ним в соприкосновение, - одинаково раба и рабовладельца!

Но уже в эту раннюю пору, когда Некрасов впервые отдался захватившей его волне новых мыслей и чувств, вопрос обновления "старого мира" представлялся ему в очень широких рамках; он видел зло не в одном только крепостном праве и являлся защитником отнюдь не одного крестьянского сословия, а всех оскорбленных, всех обездоленных.

Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой наряд
С насмешкой не случайно
Все, кажется, глядят.
Все, что во сне мерещится,
Как будто бы назло
В глаза вот так и мечется,
Роскошно и светло!
Все повод к искушению,
Все дразнит и язвит
И руку к преступлению
Нетвердую манит.
Ах! если б часть ничтожную!
Старушку полечить...
Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку!

Так рисует поэт в стихотворении "Пьяница" душевное состояние бедняка, озлобленного зрелищем несправедливых общественных контрастов. Как и в другом стихотворении того же периода - "Отраднo видеть, что находит порой хандра и на глупца", - мы впервые встречаем здесь характерную и оригинальную ноту некрасовской поэзии, ноту злобы, той "злобы тайной", которая терзает сердце приниженного человека, составляя мучительную отраду его беспросветного существования.

Облик "неласковой и нелюбимой музы", "печальной спутницы печальных бедняков, рожденных для труда, страданья и оков", вырисовывается перед нами уже в резко определенных, своеобразных очертаниях.

Со всей силой возмущенного чувства протестует поэт против "бесмысленного мнения" толпы, "пустой и лживой", бессильно стонущей в тисках нужды и горя и в то же время готовой клеймить презрением всякого, кто в жизненной борьбе является не палачом, а жертвой. Стихотворение "Когда из мрака заблужденья" (даже на взгляд враждебных Некрасову критиков - "превосходное") было чуть ли не первой в русской литературе попыткой реабилитации падшей под гнетом нищеты и несчастий женщины. Приблизительно в то же время написано и одобренное Белинским стихотворение "Старушке", направленное вообще против "морального вздора" опутавших общество условностей и предрассудков. Пьеса не была, однако, включена автором ни в одно издание стихотворений, да и в журнале появилась за неполной подписью. Причина понятна: в смысле обработки она оставляет желать очень многого. *[Напечатано в августовской книжке "Отечественных записок" за 1845 год.*

*Когда еще твой локон длинный
Вился над розовой щекой*

*И я был юноша невинный,
Чистосердечный и пустой -
Ты помнишь: кой о чем мечтали
С тобою мы по вечерам,
И не забыла ты: давали
Свободу полную глазам.
И много высказалось взором
Желаний тайных, тайных дум;
Но победил моральным вздором
В нас сердце искаженный ум.
И разошлись мы полюбовно,
И страсть рассеялась как дым...
И чрез полжизни хладнокровно
Опять сошлись мы - и храним
Молчанье тягостное...
Так-то!
Когда б к избытку сил младых
Побольше разума и такта (?) -
Не так бы вял и горько-тих
Был час случайной поздней встречи,
Не так бы сжала нас печаль,
Иной тоской звучали б речи,
Иначе было б жизни жаль...*

15 мая 1845 г. Н. Н-в.] Объясняется это, конечно, тем, что тема стихотворения, хотя и вполне реальная, не была подсказана Некрасову лично пережитым чувством: ведь поэту было всего двадцать три года... Могучий лиризм Некрасова - и он сам прекрасно чувствовал это - получал настоящий размах лишь в тех случаях, когда поэт вдохновлялся живой, конкретной действительностью.

Таково оригинальное и сложное содержание стихотворений, появившихся в 1845-1846 годах и, несомненно, глубоко поразивших современного читателя. Очевидно, новые мысли и чувства бурей прошли по душе поэта, заставив зазвучать сразу все ее струны...

Ощувив и осознав кровную связь с родным народом, Некрасов сразу нашел все нужные краски и для изображения родной природы. Как пейзажист уже в 1846 году он является перед нами со своей особенной, ни на кого другого не похожей манерой:

Сторож вкруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.
Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;
По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья- и жалобно стонет...
Стало светать <...>
Чудная даль открывается взору:
Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,
А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.
: : : : : : : : : : .
Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполовину,
И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-бледной луны...
В поле, завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей...
: : : : : : : : : : ..
Заунывный ветер гонит

Стаи туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.
На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегают холодоки.
Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.
Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И "пошел!" - привстав с нагайкой,
Ямщику денщик кричит.

Конечно, такого рода описаний природы не найдешь ни у Жуковского, ни у Пушкина с Лермонтовым, ни даже у Кольцова. Все это очень мало походит на "Красным полымем заря вспыхнула" или на "В небесах торжественно и чудно"... Краски Некрасова буднично серы, образы удивительно просты, прозаически реальны; отдельные углы рисуемой картины кажутся порой грубыми и неэстетичными. И, однако, странное дело: читатель чувствует себя захваченным, покоренным этой серой, но бесконечно милой красотой северного пейзажа; родная природа живет и дышит перед его глазами, и невольно хочется воскликнуть: "Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!.."